

«Удивление»:
XXI Пирровы чтения.
Интерпретация культурных кодов

(Лаборатория исторической, социальной и культурной антропологии,
Саратов, 29 июня — 1 июля 2023 года)

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_425

Конец июня — начало июля — время ежегодных встреч на Пирровых чтениях, которые организует Лаборатория исторической, социальной и культурной антропологии (ЛИСКА), объединяя усилия представителей самых разных специалистов: историков, этнографов, филологов, культурологов и искусствоведов. Традиционно это методологическое пиршество реализуется при поддержке Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета и Саратовского государственного художественного музея им. А.Н. Радищева. Конференция за долгие годы сумела обрести индивидуальные черты, сохраняя в своей основе некоторую неизменность и в то же время вбирая и новые исследовательские сюжеты.

Напомним, что Пирровы чтения — это во многом персональное высказывание: ЛИСКА — проект, существующий благодаря усилиям инициаторов, саратовского переводчика и антрополога *Вадима Михайлина* (СГУ, Саратов) и его единомышленников, поэтому, как это всегда бывает, подобные научные события неизбежно будут обладать личным измерением и нести отпечаток интересов тех, кто входит в «ядро» постоянных участников долгие годы. Участники представляют самые разные города и институции и независимые исследовательские площадки. За двадцать лет существования конференции успели обозначиться магистральные тематические линии, такие как изучение визуальной культуры и ярко выраженный интерес к изучению культуры советской эпохи: искусства и повседневности. Все доклады, несмотря на дисциплинарное разнообразие, имеют общие антропологические рамки и свидетельствуют о некоем общем концептуальном поле, которое, впрочем, возникает естественным образом, даже если среди докладчиков появляются новые участники.

Давней практикой является и сам принцип выбора тематических областей: каждая встреча посвящена какому-либо явлению культуры, которое может быть интерпретировано в том числе и как образ, который является символическим ресурсом, и как переживание некоей эмоции или действия, имеющих социально-антропологическое, нарративное измерение: в разные годы на конференции обсуждалась интерпретация в качестве культурных кодов таких понятий, как праздник, агрессия, зверь, маргинальное, конвенциональное, проективное, ложь, умолчание и другие. Пирровы чтения 2023 года были посвящены удивлению как когнитивному, культурно-антропологическому механизму.

Разумеется, такая тематическая рамка изначально предполагает обращение к теме нарушения нормы, поэтому *удивлению* и как когнитивному диссонансу, и манипуляции ожиданием реципиента, и лингвистическому парадоксу, и экзотическому были посвящены в той или иной степени почти все доклады.

Заседание первого дня Пирровых чтений, по старой доброй традиции, открылось докладом *Ольги Тогоевой* (ИВИ РАН, Москва), которая в сообщении «*Удивительное “Путешествие Джона Мандевила”*: *травелог или поучение?*» обратилась к весьма необычному тексту, созданному в 1356—1357 годах. Сочинение это по праву может считаться едва ли не главным текстом о трансформации удивительного и чудесного и самым странным трактатом о феноменологии путешествия XIV века.

В отличие от многочисленных описаний далеких и чудесных земель, известных в Средневековье, трактат Джона Мандевиля содержит очевидный сдвиг в сторону совершенно иной концепции описания мира. Этот слом наглядно воплощен в самой композиции «Путешествия»: в первой части мы находим своеобразный путеводитель для паломников, как будто еще классический: из Англии до Константинополя, а оттуда — в Иерусалим, далее описание Египта, Кипра, островов Эгейского моря. Сюда же примыкало краткое изложение основ ислама, короткий пересказ Корана и сведения о пророке ислама Мухаммеде. Мир первой части книги — это пока еще вполне традиционная ойкумена средневекового европейца: регионы, пусть и достаточно далекие, были знакомы жителям европейских стран. Вторая часть книги, по мнению докладчицы, значительно интереснее. С Ближнего Востока путь Мандевиля лежал в самые невообразимые уголки мира: в Армению, в страну амазонок, в Эфиопию, в Индию, Китай, а в финале мы читаем описание визита ко двору Великого Хана, т.е. на территорию современной Монголии. А вот во второй части речь шла о практически неизвестных европейцам XIV—XV веков местах, о которых мало писали, а уж бывали в них еще реже. Эти территории представляли собой некий «макрокосм», с которым автор и знакомил своих читателей.

Таким образом, путеводитель, предназначенный для паломников, пособие для современников автора, наставляющее их в том, как стать примерным христианином (нужно отправиться на поклонение к святым местам), превращается в рассказ о тех *идеях*, которые должен исповедовать этот истинный христианин по отношению ко всем прочим народам, к их уникальной культуре и к их завоеваниям. *Удивительное* в сочинении Мандевиля обнаруживает многогранность, и далекие, экзотические страны словно приближены к восприятию читателей. Трактат резко отличается от многих и многих подобных средневековых травелогов, да и от хорографий — описаний дальних стран раннего Нового времени. Первоначальное удивление, к которому, казалось бы, призывает Мандевиль, оборачивается своей полной противоположностью — пониманием разнообразия окружающего мира, который един и в котором каждому может найтись свое место.

Концептуализация *удивления как экзотического* была продолжена в двух последующих докладах. Так, *Мария Пономарева* (ИВИ РАН, Москва) на весьма специфическом материале сообщения «*Политическая и естественная философия Николая Орема: изгнание чуда*» проблематизировала понятие экстраординарного в философии Николая Орема (1320/5—1382), воспитателя и советника французского короля Карла V Мудрого (1364—1380). Фигура Николая Орема давно вызывает пристальный интерес у историков науки: о значении его работ «Трактат о сфере», «О соизмеримости и несоизмеримости движений неба», «О монете» говорил уже Пьер Дюгем в «Системе мира: истории космологических учений от Платона до Коперника» (1913—1959). Однако Николай Орем был не только «естественным философом», философом природы, но и политическим философом. Докладчица прокомментировала специфическую, пограничную роль Николая Орема: будучи университетским интеллектуалом, он оказывается в окружении Карла V Мудрого, покровителя многих ученых и основателя библиотеки, который превращает свой двор в подлинный центр светского научного знания. Так философ становится включенным в два основных интеллектуальных контекста: университетский (факультет богословия) и придворный, и его работы должны восприниматься с учетом специфики спора с номиналистами. Во второй половине XIV века в Парижском университете проблема чудес и естественной/сверхъестественной причинности обсуждается в связи с различением в Боге абсолютной и установленной власти — *potentia absoluta* и *potentia ordinata*. Для разбора вопроса об экстраординарном докладчица обратилась к двум главным для этой темы сочинениям Орема:

«О причинах чудес» («De causis mirabilium»); и — глоссы к переводу «Политики» Аристотеля («Le Livre de Politique»). Сочинения оказываются на перекрестке разных традиций: средневековой и возрожденческой, и содержит попытки объединения богословской трактовки и естественной философии.

Рассуждения Орема о природе чудесного включено в сложный контекст осмысления законов природы и законов власти. В «О причинах чудес» Орем утверждает, что для всего удивительного уже существуют причины в рамках естественного порядка вещей, и эти причины можно раскрыть и описать. В глоссах к «Политике» Орем утверждает, что у всякого позитивного закона или постановления правителя *должна* существовать достаточная причина в рамках естественного закона, — тех общих принципов политической жизни, которыми занимается наука политика. То, что могло бы показаться чудом, является всего-навсего удивительным из-за особенностей нашего восприятия; а правитель, мнящий себя превыше закона, — не богоподобен, а просто тиран. Легковерие в области чувств приводит к разрушению естественной философии; легкомысленное доверие римским законам — к разрушению королевства. Чудес в природе не существует, а чудеса в политике — это то, без чего лучше бы обойтись, — таким любопытным выводом был завершён доклад.

Далее прозвучало сообщение *Светланы Сидоровой* (Центр индийских исследований Института востоковедения, РАН, Москва) «*“Не счесть алмазов в каменных пещерах”*: мистификация и десакрализация культурного ландшафта Индии в колониальном дискурсе», в котором были подробно проанализированы колониальные нарративы времен Британской Индии, где весьма любопытными предстают репрезентации географического и культурного пространства. Завоеванное, но еще не освоенное предстает как объект притяжения и страха, обладающий характерным набором маркеров и приписываемых им смыслов и значений. Одним из таких устойчивых системообразующих элементов пространства оказались пещеры, которые британцы начали «открывать» в Индии с конца XVIII века. Рукотворные святилища, внутри которых были сокрыты шедевры древнего зодчества и изобразительного искусства, стали символами, маркирующими Индию как неизведанную землю, скрывающую под покровом дикой природы множество тайн.

Из аудитории прозвучал вопрос: как же, собственно, *удивительное* соотносится с *экзотическим*? Светлана Сидорова отметила, что, безусловно, одно является частью другого, и экзотическое — априори удивительно, но не всегда наоборот. Рефлексия экзотики в европейской культуре — сложный и многоэтапный процесс, который неизбежно будет связан с постепенным переосмыслением и присвоением чужого культурного опыта. Преодоление статуса экзотического всегда означает преодоление, стирание и понятийных границ. Предложенный материал отражает две важные, на взгляд докладчицы, тенденции: с одной стороны, закрепление статуса пещер в качестве удивительных диковинок в мистифицирующих текстах и коллекция колониальных редкостей, с другой — наоборот, разоблачение, лишение их ореола таинственности и необычности путем научного сопоставления их художественного оформления с иными изобразительными традициями, типологизации и вписывания в мировое культурное наследие.

Одним из главных концептуальных докладов Пирровых чтений принадлежал *Сергею Зенкину* (ИВГИ им. Е.М. Мелетинского РГГУ, Москва / НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), который в сообщении «*Фокус и монстр*» раскрыл прямую связь монструозности с визуальной поглощенностью с точки зрения рецептивной риторики. Вначале прозвучал исторический комментарий: в современной культуре и искусстве, по мнению докладчика, есть два понятия или, точнее, две эстетические фигуры, выражающие по отдельности два разных «чуда», два предмета «удивления»; порусски они называются заимствованными словами *фокус* и *монстр*. Оба они имеют

сакральные корни, хотя сегодня далеко отошли от них: фигура монстра восходит к мифологическим чудовищам, а цирковой фокус — к культовому и магическому чудотворству. О технологии фокусов и морфологии реальных и вымышленных монстров написано много, однако Зенкина интересовали не столько конструктивное устройство этих двух эстетических эффектов, сколько их рецептивная структура, то, какой способ восприятия, какой опыт удивления задается ими: «монстр» — конструкт ситуации восприятия, в которой зритель пассивен, он заворожено всматривается в псевдоорганику чудовищного тела, силясь, всегда безуспешно, свести его несообразный облик к каким-то нормальным природным формам, и «фокус» — здесь удивленный зритель выступает активным субъектом, пытается выяснить лакуны или подмены и принужден разгадывать игровую комбинацию — здесь исследователь привел множество примеров таких пространственно-живописных и нарративных ребусов: так, анаморфический череп на картине Гольбейна Младшего «Послы» (1533) можно разглядеть в бесформенном предмете, только если посмотреть на полотно как бы искоса. Поэтому удивленный зритель в режиме разглядывания фокуса — всегда активен, он как бы подражает самому иллюзионисту — в исходном значении латинского слова *in-lusio* — «вовлечение в игру», когда читатель или слушатель действительно исполняет в ней определенную роль. Таким образом, если монстр являет собой навязчивое, неустранимое присутствие, которым отменяется сам наблюдающий его субъект, то «фокус» — игровая форма, которую хочется аналитически разобрать и узнать, что у нее внутри. В обоих случаях, подчеркнул автор доклада, удивление сопровождается — можно даже сказать, конституируется — актом *редукции*, попыткой реципиента преодолеть озадачивающий эффект, восстановить нарушенное равновесие. Это позволяет считать «фокус» и монстра двумя художественными фигурами удивления.

Отвечая на вопросы аудитории, Сергей Зенкин отметил, что в современной культуре явно наблюдается коммерческая эксплуатация, при-своение монстра, превращение его в нечто привычное: монструозные фигуры становятся банальными, и сегодня человека постоянно обступают уже никого не удивляющие и не страшные технические фокусы и монстры-симулякры.

Юлия Иванова (ВГСПУ, Волгоград) представила доклад на тему «“Это игра”: обманутое ожидание и людификация речевого действия», попытавшись проанализировать эффект удивления изнутри теории речевых жанров с опорой на концепцию игрового коммуникативного действия у животных (игровой метасигнал в трактовке Г. Бейтсона) и эффекта обманутого ожидания в формулировке Р.О. Якобсона. По мнению автора, далеко не любое игровое действие является результатом процесса людификации (под этим термином докладчик, вслед за Йостом Рассенсом, использовавшим в свое время хейзинговскую категорию *Homo Ludens*, понимает создание игровых целей и идентичностей, персональных и культурных), и в поведении человека разумного следует различать людифицированные действия и собственно игровые, изначально фреймированные как «несерьезные».

Часть докладов была посвящена удивлению как когнитивной реакции и эффекту восприятия современного информационного пространства. Так, Ольга Ванюшкина (СГУ, Саратов) попыталась проанализировать с этой точки зрения язык англоязычного комедийного подкаста, стендап-комедии, вписав свои наблюдения в контекст проблематики культуры отмены.

Уже традиционным на Пирровых чтениях стал комментированный кинопоказ: первый день работы завершился докладом Вадима Михайлина «Не то, что нынешнее племя: “Дуэлянты” (Ридли Скотт, 1977)».

Кинокомментарий был обрамлен концептуальным обоснованием эффекта удивления. По утверждению лектора, удивление — реакция, так или иначе свой-

ственная всем высокоорганизованным существам и возникающая в ситуации когнитивного сбоя, вынужденного одновременного считывания двойственной информации. Эта категория позволяет раскрыть базовые особенности человеческого сознания, которое способно к построению сложных многоуровневых и многоэтапных проективных реальностей. В культуре были выработаны специфические компенсаторные механизмы адаптации к ветвящимся реальностям, позволяющие, например, выстраивать «удивительные сюжеты», не имеющие прямого отношения к развитию/прогнозированию ситуаций актуальных, но связанные с ними по принципу переключки, антитезы, дополнения, тем самым проблематизируя границы между реальностями и привлекая к ним внимание.

Подобный механизм заложен и в жанровых конвенциональных установках. Таковы «удивительные» истории для взрослых, которые позволяют переживать ощущение «сдвига границ», не утрачивая при этом иллюзии контроля над реальностью. Именно такую жанровую «упаковку» удивления содержит и фильм Ридли Скотта. «Дуэлянты» — костюмная драма, и здесь изобразительный ряд дает экзотическое обрамление для динамичной и предсказуемой истории, которая, впрочем, разрушается в самой своей основе.

Подробный, почти покadroвый комментарий в ходе доклада позволил вскрыть сюжет, основанный на дурной бесконечности, который выстроен как последовательность живых — или даже оживающих прямо в кадре — картин, объединяющих разные жанры и обладающих собственным суггестивным потенциалом, не связанным напрямую с основной фабулой.

Во второй день Пирровых чтений работа продолжилась обсуждением удивительного в литературном измерении. *Константин Поздняков* (СГСПУ, Самара), представил сообщение на тему: «*Удивительная пуанта повести Н.М. Карамзина “Остров Борнгольм”*».

Готическое — вполне закономерно возникающая тема в контексте обсуждения удивительного, чудесного, а значит, и страшного. Повесть «Остров Борнгольм» (которую, по мнению докладчика, все-таки стоит считать рассказом с ярко выраженной центростремительной структурой) принято рассматривать как исключительно серьезное произведение, лишенное иронических черт, однако если обратить внимание на пуанту — особый поворотный момент в повествовании — в карамзинской повести, то обнаружится, что в произведении выстраивается весьма сложная игра автора с горизонтом читательских ожиданий. Докладчик продемонстрировал, что интригующий сюжет произведения служит своего рода иллюстрацией к весьма многогранному подтексту: демонстрация игровой стихии повести позволяет считать Н.М. Карамзина первооткрывателем специфических механизмов повествования в мистической фантастике и готическом рассказе в русской литературе.

Наблюдения над повествовательными аспектами удивления в творчестве Карамзина получили своеобразную рифму в следующем сообщении, которое также было посвящено теме удивительного в готической литературе. *Анастасия Липинская* (СПбГЭУ) в докладе «*Мне нечего было сказать ему в ответ. Рассказчик и его аудитория в готической новеллистике*» отметила, что применительно к готической новелле (ghost story) категория удивления может рассматриваться с точки зрения реакции персонажей на выходящее за пределы их повседневного опыта — возможно, эта реакция является «несущей конструкцией» жанра. Но есть и другой аспект: удивление не персонажа, но тех, кто слушает его историю. Как правило, такой слушатель — весьма парадоксальная фигура: это «представитель» читателя в мире новеллы, реагирующий на странные и жуткие события так, как реагировал бы обыватель. И это притом что в роли такого слушателя может оказаться... сам призрак. Присутствие такого адресата помогает читателю привыкнуть к «правилам

игры», насытить повествование саспенсом и специфической двусмысленностью, а в некоторых поздних текстах персонаж-слушатель стал частью изощренных повествовательных конструкций, воплощающих присущую жанру готической новеллы авторефлексивность.

Далее прозвучали доклады молодых исследователей: в секции, которая получила на Пирровых чтениях название «Песочница», были обозначены наблюдения над темами маргинализации нормальности в культовых медиафеноменах, на примере «Гарри Поттера» и «Семейки Аддамс» (Алена Фирсова (СПбГУ)) и над эстетикой ужасного/удивительного и изображением сельской глубинки в американских хоррор-фильмах последнего десятилетия (Арсений Круглов (СГУ, Саратов)).

Значительная часть работы конференции содержала рефлексию тематического поля «Удивление по-советски». Этому был посвящен в том числе доклад Антона Нестерова (МГЛУ, Москва) «Советская эстетика от второй половины 1920-х — до середины 1930-х годов: Маркс, выпущенный из бутылки и попытка загнать “джинна” обратно». Надо отметить, что автор доклада далеко не в первый раз обращается к изучению специфики: рассуждения о том, какие метаморфозы претерпевали эстетические категории в советской научной практике, успели сложиться в самостоятельный исследовательский сюжет, даже своеобразный цикл. Антон Нестеров представил подробную и обстоятельную картину присвоения и переизобретения формирующейся советской эстетикой второй половины 1920-х — середины 1930-х годов осколков философско-художественного языка, движения от социологии искусства к «подлинно марксистской эстетике». Но попытка вырастить советскую эстетику, по мнению докладчика, по сути, свелась к манипулятивному инструментарию диамата, который должен был обслуживать соцреализм, несмотря на то что у истоков теории были и весьма серьезные специалисты, например такие противоречивые фигуры, как Михаил Лифшиц.

Вадим Михайлин, Галина Беляева (СГХМ им. А.Н. Радищева, Саратов) продолжили центральную линию Пирровых чтений в своем втором ключевом докладе «Между *thauma* и *trauma*: неоромантическая концептуализация детства в позднесоветском кино». По наблюдению Вадима Михайлина, в 1960-е годы появляется новая для советской культуры модель экранной репрезентации ребенка и детства: в послесталинскую эпоху советский ребенок видится в неоромантической оптике и получает два права, которых у него не было в кино сталинском — право на удивление и право на травму, причем и то и другое переводится в режим базовых, самоценных характеристик детского опыта.

Разговор об оптике удивления продолжила Евгения Бродская (РГГУ, Москва), которая предложила порассуждать о фильме «Бумбараш». По ее мнению, дискурс Гражданской войны в советской культуре начала 1970-х в этом фильме выстроен с опорой на «наивную оптику» взгляда: Бумбараш — своего рода «голый человек» на «голой земле». И удивление программируется здесь обнулением всех социальных связей.

Анна Синицкая (СФ МГПУ, Самара) и Ирина Саморукова (СНИУ им. С.П. Королёва, Самара) выступили на вечернем заседании, продолжив тему «Удивление по-советски» в актуальном, уже хорошо апробированном на Пирровых чтениях жанре доклада-диалога и кинокомментария. Доклад «Удивление как социальная эмоция в фильме Г. Данелии “Тридцать три” (1965)» содержал комментированную демонстрацию фрагментов киноленты, которая по праву может считаться одним из самых странных фильмов рубежа позднетеплой и застойной эпох и настоящим каталогом-энциклопедией советской публичности, в самых разных ее регистрах и формах: выступления на собраниях перетекают в застольные беседы, сплетни и слухи — в телевизионные эфиры и радиопередачи.

Главный герой фильма репрезентируется как обладатель любопытного физиологического феномена: у него есть, вопреки норме, тридцать третий зуб. И далее весь фильм выстраивается как цепочка рефлексии другими персонажами этого факта. Докладчики отметили, что фильм обнаруживает важную социальную симптоматику советских реалий и позволяет рассуждать о культурных смыслах советской повседневности начала — середины 1960-х годов, о триггерах массового сознания той эпохи (это не только стоматологическая тематика, но и, например, орфографическая реформа или антиалкогольная кампания). Главный тезис доклада выражался в том, что удивление функционирует в фильме в качестве социальной эмоции и становится двигателем основных событий фильма, которые способны не только программировать реакцию зрителя, но и выявить механизмы общественного бытия персонажей, в том числе и границы приватности/публичности и медийности в советской повседневности.

После доклада прозвучали вопросы, которые позволили уточнить некоторые тезисы. Так, было отмечено, что герой Данелии, который подвергается постоянному осмотру и разглядыванию, теряет субъектность и уже не принадлежит себе, становясь в буквальном смысле *монстром* — в этом смысле наблюдения создавали необходимые отсылки к прозвучавшему ранее докладу Сергея Зенкина, подтверждая оппозицию *монстра* и *фокуса*. Однако монструозность здесь фантомная, ненастоящая, которая и оказывается фокусом, и оптический фокус — выпавшая из рук потрясенного/разочарованного журналиста фотокамера — буквально разбит в финале фильма.

Сразу несколько докладов чтений были посвящены политике памяти и культурно-семейным контекстам. Вероятно, самый поразительный и дискуссионный материал под рубрикой «Удивление и шок» представили Анастасия Митрофанова (Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва / Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН) и Светлана Рязанова (Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН), которые в докладе «*Нервных просят не смотреть: шок-контент в мемориальных музеях на местах трагических событий*» рассказали о практике создания экспозиций в так называемых новых музеях — прежде всего мемориальных, расположенных непосредственно на местах трагических событий. Новизна этих музеев, по мнению специалистов, заключается в особом методе вовлечения посетителя музея в процесс коммеморации: для моделирования аффектов (страх, отвращение и т.д.) создаются экспозиции с шокирующим контентом, с визуализацией различных зверств (орудия пыток, брызги крови, шокирующие фотографии и картины) и с использованием символических композиций (например, из детской или женской обуви). В том числе реципиенту предлагается, например, ощутить себя на месте осужденного, которому угрожает физическое насилие.

Среди названных репрезентативных примеров был упомянут разнообразный опыт музеев репрессий (за рубежом их довольно много, а в контексте российской гражданско-политической памяти подобные экспозиции пока еще находятся в некоем экспериментальном поле), в том числе практика Музея памяти жертв политических репрессий поселка Долинка (Карагандинская область, Республика Казахстан), который расположен в бывшем здании управления Карагандинского исправительно-трудового лагеря. Общественная, научная ценность этого музея несомненна и определяется еще и его местоположением: далеко не все музеи, сохраняющие трагическую память, расположены непосредственно на месте происходящих событий. Но если экспозиционно-архивная часть этого музея, информативно очень насыщенная, содержит немало уникальных и малоизвестных документов и сведений, весьма впечатляет и заслуживает всяческого уважения, то интерактив-

ная часть, включающая эмоциональный компонент, по мнению докладчиц, оставляет в лучшем случае неоднозначное впечатление. В частности, в «ночь музеев» манекены, изображающие заключенных и охранников, заменяют актерами, а посетителям предлагается буквально ощутить себя в их роли. На основе анализа экспозиций и наблюдениями за посетителями, а также экспертных интервью авторы подвергают сомнению имплицитно заложенный в подобную музейную практику тезис, что для достижения аффекта хороши любые средства. Скорее, развитие некоторых аффектов в целях привлечения посетителей лишает мемориальные музеи изначально заложенного в них смысла: избежать повторения трагических событий. Аффекты остаются неуправляемыми, посетители демонстрируют парадоксальные реакции на шок-контент (смех, восторг и т.д. — исследователи представили яркую выборку подобных отзывов — на музейных сайтах, в устных комментариях и т.д.), и мемориальные музеи зачастую превращаются в объект «темного туризма» или своеобразные хоррор-аттракционы.

Доклад завершился выводом, что шок в подобных практиках выступает как эмоция, стоящая в одном ряду с удивлением, но занимающая другой конец спектра, рядом с ощущением эпатажа, — это травмирующее удивление, выбивающее человека из привычного ему ритма жизни и системы восприятия мира, способное переопределить мировоззрение в целом.

Григорий Дробинин (гимназия им. Е.М. Примакова, Москва) в докладе «*Иванов и Баширов: режиссерская диверсия в зрительское восприятие в “Трех песнях о Родине” С.А. Соловьёва*» предпринял попытку осмысления художественного языка режиссера в рамках его «перестроечной» трилогии: «Асса», «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви», «Дом под звездным небом». Автор доклада сфокусировал внимание на персонажах, сыгранных Александром Башировым и Ильей Ивановым, в основном сосредоточившись на анализе сюжета «Ассы». По мнению Дробинина, в фильме работают специфические механизмы удивления как резкого нарушения зрительских ожиданий: персонажи Иванова и Баширова объединены некоей общей запутанной криминальной линией, лишь изредка соединяясь в одной сцене, но при этом они «откусывают» не менее трети экранного времени, регулярно мешая зрителю погрузиться в переживание любовной истории. Обнаруживается и особая логика построения символических сюжетов, свойственных для киноязыка Соловьёва, в частности была проанализирована светоцветовая символика первого фильма трилогии.

Итоговые доклады были посвящены тематической линии удивления как социальной манипуляции. *Денис Артамонов* и *Софья Тихонова* (СГУ, Саратов) попытались проблематизировать в контексте удивления понятие советского детства, обратившись к предметно-изобразительным, функционально-прагматическим и антропологическим характеристикам советских игрушек. Тема «*Удивительный СССР и его игрушки*» вызвала большое оживление у аудитории, несмотря на то что далеко не для всех слушателей доклад мог актуализировать личный биографический контекст. Саратовские исследователи, отчасти соглашаясь, отчасти полемизируя с утверждением Вадима Михайлина, что советскому человеку предписано право на пожизненное взросление, то есть — на пожизненную невзрослость, отметили, что советский ребенок, с позиций дидактического, просветительского дискурса, видимо, вообще и не мыслился как ребенок, а был изначально маленьким взрослым, который сразу должен был осваивать профессиональные роли. Об этом свидетельствуют множество игрушек, которые как бы являлись «проводниками» в мир созидательного труда: маленькие швейные машинки, атрибуты поварского или врачебного ремесла, конструкторы, самосвалы и т.д. Многие из этих вещей в силу дефицита обретали едва ли не сувенирную ценность, и этим, в частности,

объясняется их хорошая сохранность и быстрая наполняемость многочисленных музеев советского быта, чья популярность и ностальгическая ценность сегодня растут повсеместно.

Даниил Аникин (МГУ / СГУ, Саратов) в своем сообщении «*Не(обыкновенное) чудо: мемориализация Федора Ушакова в религиозном дискурсе*» продолжил тему коммеморативных практик, проанализировав кейс относительно недавнего эпизода приобщения к лику святых новой фигуры, которой прежде не было в святцах. Напомнив о ключевых признаках святости, необходимой атрибутике «жизнеописания святого» и о градациях добродетельной жизни мучеников, исследователь отметил, что русская церковь в 1990-е годы обнаружила некоторую «недостачу» необходимого количества святых. Процесс пополнения пантеона в 2000-е оказался весьма драматичным и противоречивым (например, о новоиспеченном святом неожиданно открывались неблагоприятные архивные сведения, которые в значительной степени могли подпортить благостную биографию, а поиск «чудес» был вообще весьма затруднен). Комментарии Даниила Аникина, иронические и безупречно точные, позволили аудитории узнать о перипетиях проведенной в Саранске легитимации воина и флотоводца Федора Ушакова (у которого есть старший «двойник» — его дядя, святой Феодор Санаксарский), о том, как именно в подобной практике обнаруживается действие различных социальных механизмов: лоббирование той или иной фигуры нового святого зачастую зависит в большей степени от административных ресурсов и гражданской, политической инициативы, нежели чем собственно от церковной. Однако нередко бывает так, что религиозные практики возвращаются в виде некоей светской религии, и в официальном публичном решении удачно совпадают интересы различных политических акторов.

Работа конференции завершилась дискуссией, в которой были расставлены дополнительные акценты в концептуализации *удивления*; присутствующие поделились впечатлениями и отрефлексовали свой опыт (у кого-то многолетний, у кого-то первый) участия в Пирровых чтениях.

Анна Сеницкая